

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

С.М. Силонов

**ИНТЕРНИРОВАННЫЕ
КИТАЙЦЫ
В СИБИРИ
(1930-е годы)**

Сергей Силонов

**Интернированные китайцы
в Сибири (1930-е годы)**

«Сибирский федеральный университет»

2015

УДК 94(470+571)(=581)"19"
ББК 63.51(2)614(=711)

Силонов С. М.

Интернированные китайцы в Сибири (1930-е годы) /
С. М. Силонов — «Сибирский федеральный университет», 2015

Монография выступает первым исследованием истории китайцев, интернированных в СССР в 1930-е годы. В работе на основе не публиковавшихся ранее архивных документов анализируются вопросы появления и пребывания этой категории иностранцев в Сибири, их возвращения на родину. Издание рассчитано на специалистов-историков, будет интересно широкому кругу читателей, неравнодушных к истории русско-китайских отношений.

УДК 94(470+571)(=581)"19"
ББК 63.51(2)614(=711)

© Силонов С. М., 2015
© Сибирский федеральный
университет, 2015

Содержание

Введение	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

С.М. Силонов

Интернированные китайцы в Сибири (1930-е годы)

Введение

Современные отношения между народами опираются на исторический опыт. Российско-китайское взаимодействие, предопределявшееся географической близостью двух стран и насчитывающее около четырех веков, многогранно и многоаспектно. Наиболее динамично взаимоотношения России и Китая развивались в течение XX века: эйфория от революционного потенциала Китая сменялась вооруженным противостоянием двух государств и разрывом дипломатических отношений, помощь в отражении японской агрессии и «дружба навек» – обвинениями друг друга в ревизионизме, великодержавном шовинизме и измене делу коммунизма. После достаточно продолжительного периода охлаждения 1960–1980-х годов отношения между странами, очищенные от идеологических наслоений¹, восстановлены в полном объеме: развиваются межправительственные связи, экономические и культурные контакты, решены многие спорные вопросы. Сейчас партнерство с Китаем входит в систему жизненно важных интересов России. Но, несмотря на смены исторических эпох и изменение градуса отношений, одним из важнейших направлений взаимодействия между двумя странами, а также неотъемлемой частью истории России является китайская миграция.

В XX веке массовые китайские иммиграции носили в основном торгово-экономический и трудовой характер и отличались, как правило, добровольным перемещением лиц на территорию России (СССР). Однако помимо «добровольных мигрантов» в разные периоды времени в России находились иностранные граждане, оказавшиеся в чужой для них стране не по своей воле – беженцы, военнопленные. В 1930-е годы китайская диаспора СССР значительно пополнилась за счет достаточно специфической категории иностранцев – интернированных солдат и партизан, отступивших на территорию Советского Союза под давлением японских вооруженных сил, оккупировавших Маньчжурию. В СССР в общей сложности оказалось несколько десятков тысяч китайцев.

До настоящего времени история их интернирования² не была предметом комплексного исследования, и одна из основных причин этого – недоступность архивных фондов. Современные условия, связанные с либерализацией общественной жизни, позволяют исследователям изучать те страницы прошлого, которые еще не получили достаточного освещения. Восстановление исторической картины и научная разработка проблемы интернированных иностранцев позволяют существенно дополнить и по-новому взглянуть на общую историю российско-китайских отношений в 1930-е годы, глубже исследовать весь комплекс проблем, касающихся пребывания китайских граждан на территории России (СССР). Ликвидация «белых пятен» в истории межгосударственных отношений, безусловно, может способствовать формированию устойчивого сотрудничества России с таким важным для нее стратегическим партнером, как КНР.

Данная работа посвящена изучению истории интернированных китайцев в Сибири. Этот регион в 1930-е годы по решению советского правительства оказался территорией размещения

¹ Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. М., 2009. С. 8.

² Интернирование – особый режим ограничения свободы (принудительного задержания), устанавливаемый одной воюющей стороной в отношении гражданских лиц другой стороны или нейтральным государством в отношении оказавшихся на его территории военнослужащих воюющих сторон.

китайских вооруженных формирований (регулярных войск, партизанских отрядов), вышедших на территорию СССР в поисках спасения от окончательного разгрома японскими войсками, оккупировавшими Маньчжурию. Часть из них находилась в Советском Союзе сравнительно небольшой период времени, часть, размещенная для работы на угольных копях Кузбасса и Хакасии, лесоразработках Нарыма, осталась в СССР на долгие годы, а то и навсегда.

Таким образом, объектом предлагаемого исследования является политика Советского государства в отношении иностранных граждан, интернированных в СССР в 1930-е годы, а предметом – правовое положение и состав интернированных китайцев, размещенных в Сибири, условия их жизни и организация труда во время пребывания в Советском Союзе, репатриация иностранцев на родину и судьба интернированных, оставшихся в СССР.

Территориальные рамки исследования обозначены как Сибирь, под которой понимаются историко-географические области Западной и Восточной Сибири. Поскольку в течение XX века административное деление Сибири неоднократно менялось, необходимо представить более уточненные комментарии относительно территориальных рамок в соответствии с исследуемым периодом. Работа охватывает Западно-Сибирский край с центром в Новосибирске (современные территории Кемеровской, Новосибирской, Томской областей, Красноярского края (частично), Республики Хакасии) и Восточно-Сибирский край с центром в Иркутске (современные Иркутская область, Забайкальский, Красноярский (частично) края). В декабре 1934 года из Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского краев были выделены районы (в том числе полностью Хакасская автономная область), вошедшие во вновь образованный Красноярский край. Западно-Сибирский край просуществовал до 28 сентября 1937 года, когда, в свою очередь, был поделён на Новосибирскую область с центром в Новосибирске и Алтайский край с центром в Барнауле. Восточно-Сибирский край в 1936 году был разделён на Восточно-Сибирскую область и Бурят-Монгольскую АССР.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1932 по 1938 годы. Интернированные китайцы как явление напрямую связаны с оккупацией Японией территории Маньчжурии, начавшейся в сентябре 1931 года. Первые документально подтвержденные сведения об интернированных, размещенных на территории Сибири, относятся к 1932 году. Именно этот год служит нижней временной границей исследования. Другая крайняя дата – 1938 год. Политические репрессии в Советском Союзе, пик которых пришелся на 1937–1938 годы, захватили многие этнические группы населения страны. Не миновали они и китайцев, в том числе интернированных. Для большинства из них 1938 год стал последним годом жизни. Осужденные к различным срокам наказания, но оставшиеся в живых, они были разбросаны по различным учреждениям уголовно-исправительной системы, что фактически привело к распаду этой специфической группы мигрантов.

История интернированных китайцев³ никогда не была предметом обобщающего исследования ни в отечественной, ни в мировой историографии. В общей массе работ, посвященных российско-китайским (советско-китайским) отношениям, отдельные аспекты интернирования освещались в минимальной степени, не позволяя составить полноценного представления об объекте. Полностью из поля зрения историков вследствие отсутствия эмпирического материала выпадал период пребывания иностранных граждан на территории СССР. Практически до 2000-х годов упоминания об интернированных присутствовали в литературе только в контексте исследований оккупации Японией Северо-Восточного Китая. Несмотря на то что указанные труды не затрагивают непосредственно интернирования и касаются смежной тематики, они представляют ценность в понимании факторов, оказавших влияние на рассматриваемое явление.

³ Необходимо пояснить, что в исследовании китайские имена и названия даются в орфографии цитируемых источников и литературы. При употреблении известных китайских имен и терминов будет применяться система транскрипции «пиньинь».

Отечественную историографию по заявленной теме можно разбить на два периода: советский (с разделением на два подпериода) и постсоветский. К первому подпериоду советской историографии с 1932 по 1941 годы относятся работы современников, не только профессиональных историков, но и военных, партийных деятелей, а также непосредственных участников событий. Японская агрессия против Китая в 1931 году, в результате которой была захвачена Маньчжурия, побудила исследователей обратить достаточно пристальное внимание на Дальневосточный регион. Ряд работ был написан и издан буквально по горячим следам – в 1932–1934 годах⁴. Именно в начале 1930-х годов появились первые научные исследования В.Я. Аварина⁵, в последующем ставшего одним из самых авторитетных знатоков по вопросам Дальнего Востока. В его брошюре «Независимая» Маньчжурия»⁶, выдержавшей к 1934 году два издания, проанализирована обстановка, в которой готовилась и началась японская агрессия в Китае, а также причины, толкнувшие Японию на оккупацию Маньчжурии, заключавшиеся, по мнению автора, в росте империалистических противоречий и разразившемся экономическом кризисе в капиталистических странах. Одна из глав посвящена рассмотрению национально-освободительного движения против оккупантов и коллаборационистов, его численному и социальному составу. В.Я. Аварин полагает, что «движущей силой, основой национально-освободительной борьбы, непримиримым врагом японских оккупантов являются, естественно, пролетариат и крестьянские бедняцко-средняцкие массы»⁷. Участие в движении сопротивления командиров гоминьдановской армии, впоследствии перешедших китайско-советскую границу и интернированных в СССР, В.Я. Аварин оценивается весьма негативно: «Влекомые собственными материальными интересами и поджигаемые инспирацией других империалистов, некоторые видные милитаристы ... не пошли навстречу японским требованиям о безусловной сдаче, а пытались оказать отпор при занятии японцами их районов (Ма, Лиду и др.)»⁸. Их отступление в Советский Союз называется автором не иначе как «бегством».

В аналогичном ключе оценивает борьбу североманьчжурских военачальников против японцев и их отступление в СССР Н. Терентьев⁹: «Война» этих генералов с Японией сразу же выродилась в серию политических маневров, соответствующих обычаям милитаристских войн в Китае, но превращавшихся в гнусный фарс в обстановке борьбы с наступающим японским империализмом в Маньчжурии. По существу оказалось, что каждый из этих генералов заинтересован главным образом в том, чтобы продать себя японцам с наибольшей выгодой, и в самом процессе этой «войны» ряды открытых японских ставленников стали быстро пополняться за счет бывших «национальных героев». В высшей степени характерен пример ... генерала Ма и генерала Тан Ю-лин. Первый начал с того, что пытался недолгое время оказывать вооруженное сопротивление японцам, затем перешел на сторону маньчжурского режима и принял даже ответственный пост в маньчжурском правительстве, затем снова изменил этому режиму, возобновил на короткое время борьбу, а впоследствии оказался вместе с генералом Су Бин-венем в группе китайских военных, бежавших на советскую территорию, и в заключение вернулся в Центральный Китай, где и позирует в роли «спасителя отечества»¹⁰.

⁴ Аварин В.Я. «Независимая» Маньчжурия. М., 1934. 152 с.; Горшенин И. Маньчжурия и угроза японо-американской войны. М., 1933. 83 с.; Дашинский С. Япония в Маньчжурии. М., 1932. 47 с.; Миф П. Китайская революция. М., 1932. 324 с.; Оккупация Маньчжурии и борьба империалистов / под ред. П. Мифа, Е. Иолк, Г. Войтинского. М., 1932. 166 с.; Терентьев Н. Очаг войны на Дальнем Востоке. М., 1934. 256 с.; Ян Чжу-лай. Японские империалисты в Шанхае. М., 1932. 80 с.

⁵ Псевдоним Владимира Яковлевича Аболтина.

⁶ Аварин В.Я. Указ. соч.

⁷ Там же. С. 99.

⁸ Там же. С. 102.

⁹ Псевдоним Анатолия Яковлевича Канторовича.

¹⁰ Терентьев Н. Указ. соч. С. 50.

Агрессивная политика Японии вблизи границ с СССР, создание ею инфраструктуры для укрепления присутствия на оккупированных территориях не могли остаться без внимания профессиональных военных. Сугубо военный взгляд на события в Маньчжурии представлен в книгах С. Тульского и М. Федорова¹¹, Н.С. Бушманова¹². В первой из них антияпонскому сопротивлению посвящена глава «Партизанское движение в Манчжурии».

В работах современников событий, связанных с оккупацией Маньчжурии, действия Японии рассматривались как подготовка плацдарма для нападения на СССР – источник «величайшей опасности» для государства. Значительное внимание в исследованиях уделялось установлению причин и целей интервенции, вопросам сугубо военного характера, таким как военно-техническое состояние вооруженных сил Японии и Маньчжоу-Го, особенности их оперативно-тактических действий, организация и тактика борьбы антияпонских партизанских армий¹³. В оценке движения сопротивления присутствует определенный идеологизированный подход. Наряду с положительными характеристиками массового партизанского движения «маньчжурского крестьянства, рабочего класса и городской мелкой буржуазии» критическому анализу подвергаются действия североманьчжурских генералов, выступивших против агрессора, подчеркивается их «неустойчивость, половинчатость и беспомощность», в негативных тонах оценивается интернирование в СССР. Собственно процесс интернирования и пребывание китайских формирований в СССР в указанных исследованиях не рассматриваются, что вполне объясняется отсутствием эмпирического материала. Однако излагаются сведения о причинах, обусловивших переход китайцев на территорию Советского Союза, дается классификация сил антияпонского сопротивления, характеризуются его руководители, впоследствии оказавшиеся в СССР.

Второй подпериод советской историографии хронологически определяется 1950–1991 годами. С начала 1950-х годов в СССР наблюдается подъем в изучении истории Китая, обусловленный образованием идеологически близкой КНР. Однако в обширной библиографии этого периода лишь косвенным образом затрагиваются проблемы и сюжеты, рассматриваемые в нашей монографии. В общих работах, в исследованиях китаеведов и японоведов, как правило, уделяется внимание «образованию очага войны на Дальнем Востоке» в начале 1930-х годов, «подготовке к захвату японским империализмом Маньчжурии», непосредственно оккупации Японией Северо-Восточного Китая, реакции Лиги Наций на маньчжурские события, национально-освободительной борьбе китайского народа против агрессора¹⁴. История китайцев, интернированных в Советском Союзе, опять же не входит в сферу интересов исследователей. Закрытость архивных данных, а также трагическая судьба в СССР многих из перемещенных лиц фактически предопределяют положение, при котором вопрос об интернированных остается «белым пятном» истории китайцев в России. Однако в отличие от предыдущего периода в исследованиях отсутствуют резкие, негативные оценки гоминьдановских генералов, организаторов сопротивления японским оккупантам. Интернирование рассматривается как способ оказания содействия Советского государства освободительной борьбе китайского народа¹⁵.

¹¹ Тульский С., Федоров М. Манчжурия – плацдарм для нападения на СССР. М., 1934. 72 с.

¹² Бушманов Н.С. Боевые действия японской армии в Маньчжурии и Шанхае 1931–1933 гг. М., 1940. 143 с.

¹³ Указ. соч. Н.С. Бушманова, С. Тульского и М. Федорова.

¹⁴ Захарова Г.Ф. Политика Японии в Маньчжурии, 1932–1945. М., 1990. 262 с.; История войны на Тихом океане: В 5 т. М., 1957. Т. 1. 416 с.; История дипломатии. М.-Л., 1945. Т. 3. 883 с.; Капица М.С. Советско-китайские отношения в 1931–1945 гг. М., 1958. 427 с.; Китай и соседи в новое и новейшее время: сборник статей. М., 1982. 454 с.; Международные отношения на Дальнем Востоке: В 2 кн. М., 1973. Кн. 2. 294 с.; Мировицкая Р.А. Советский Союз в стратегии гоминьдана (20–30-е годы). М., 1990. 237 с.; Новая и новейшая история Китая. Краткий очерк. М., 1950. 267 с.; Сапожников Б.Г. Китай в огне войны. 1931–1950. М., 1977. 350 с.; Сладковский М.И. Китай и Япония. М., 1971. 336 с.; Соколов В.В. На боевых постах дипломатического фронта. Жизнь и деятельность Л.М. Карахана. М., 1983. 192 с.

¹⁵ Военная помощь СССР в освободительной войне китайского народа. М., 1975. 190 с.; Юрьев М.Ф. Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе китайского народа. 20–40-е годы. М., 1983. 335 с.

В этот же период выходят работы по историографии Китая. В.Н. Никифоров, исследуя становление советского китаеведения в 1917–1949 годах, дает оценку работам ряда авторов, откликнувшихся в 1930-х годах на японскую оккупацию в Маньчжурии, среди которых называет П.А. Мифа, В.Я. Аварина, А.Я. Канторовича (Н.Терентьева), О.С. Тарханова (Ян Чжун-лай)¹⁶. Выступая с партийно-классовых позиций, В.Н. Никифоров полагает: «Издания 1932 г. ... не свободны от крайних, даже сектантских настроений, особенно последняя упомянутая брошюра¹⁷, утверждавшая, что «теперь китайская буржуазия на борьбу в рядах антиимпериалистического фронта уже не способна» и что отпор японской агрессии в Китае может быть оказан только советским движением»¹⁸.

Определенный вклад в разработку рассматриваемой темы внесли китайские авторы. Лю Юн-ань предпринимает попытку периодизации антияпонского сопротивления, выделяя в нем четыре этапа¹⁹. Главными силами первого этапа (конец 1931 – январь 1933 года), по мнению автора, «явились патриотически настроенные китайские войска...» под руководством гоминьдановских генералов Ма Чжаншаня, Су Бинвэня, Ли Ду, Дин Чао и др. Характерно, что автор обходит вопрос об интернировании китайских военачальников в Советском Союзе, называя в качестве причины прекращения сопротивления их «отступление ... за пределы китайской территории». Пын Мин в «Истории китайско-советской дружбы»²⁰ высоко оценивал позицию Советского Союза по отношению к интернированной армии Су Бинвэня. «Проводя миролюбивую внешнюю политику, – писал он, – советский народ использовал малейшую возможность для оказания помощи китайскому народу. После того как северо-восточные провинции были захвачены империалистической Японией, добровольческая дунбэйская армия перешла границу Советского Союза и нашла поддержку у советского народа»²¹.

В целом лишь только интернирование соединения под командованием генерала Су Бинвэня, самого крупного по численности и вызвавшего масштабные дипломатические последствия (что нашло отражение в документах НКВД), в исследованиях уделяется определенное внимание²². Но, как правило, рассматривается только эпизод перехода армии через китайско-советскую границу и последовавшие в связи с этим активизация и обострение советско-японских отношений.

Итак, в анализируемый период внимание вопросам интернирования китайцев в исследованиях практически не уделялось, и лишь только косвенно эта тема затрагивалась в рамках общих работ по советско-китайской истории 1930-х годов. Вне поля зрения авторов остались такие аспекты, как статус китайцев в России, численность интернированных, анализ их социальных и демографических характеристик, места расселения в СССР, взаимоотношения с местным населением и китайскими диаспорами на территории пребывания. Таким образом, в историографии советского периода история интернированных китайцев не оформилась как предмет отдельного исследования.

Принципиально новый этап в изучении интернированных начался в постсоветское время. Он связан с общим подъемом исследовательского интереса к истории Китая и китайцев в России (СССР), чему способствовал ряд факторов: оживление отношений Российской Феде-

¹⁶ Никифоров В.Н. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970. 416 с.

¹⁷ Имеется в виду: Ян-Чжу-Лай. Японские империалисты в Шанхае. М., 1932. 79 с. Настоящая фамилия автора – Разумов Сергей Петрович (1901–1938 гг.), советский партийный, военный деятель. Фамилия Тарханов, так же, как и Ян Чжу-лай, – его псевдонимы.

¹⁸ Никифоров В.Н. Указ. соч. С. 352–353.

¹⁹ Лю Юн-ань. К истории партизанского движения на Северо-Востоке Китая в 1931–1945 годах // Вопросы истории. 1954. № 8. С. 85–95.

²⁰ Пын Мин. История китайско-советской дружбы. М., 1959. 360 с.

²¹ Там же. С. 187

²² Мировицкая Р.А. Советский Союз в стратегии гоминьдана (20–30-е годы). М., 1990. 237 с.

рации и КНР, усиление миграционного потока китайцев в пределы России, открытие доступа к архивным документам о пребывании иностранных граждан в Советском Союзе. В стране выходят первые монографии по общей истории китайцев в России, создается методика ее изучения. По мнению некоторых авторов, с этого времени можно говорить о формировании в исторической науке представления об истории китайцев в России как об отдельном предмете исследования²³.

В этот же период поднимаются вопросы о закономерностях становления и развития китайской этнической группы в России (СССР), способах адаптации китайцев к условиям жизни в чужой стране, об отношении к ним местного населения и др. В 2000-е годы были защищены сразу несколько диссертаций по отдельным вопросам истории китайской миграции в Россию в разные временные периоды²⁴.

Различные аспекты истории советско-китайских отношений, в том числе периода 1930-х годов, рассматривают Н.Е. Аблова, Ю.М. Галенович, З.Д. Каткова, А.Г. Ларин, А.В. Лукин, С.Л. Тихвинский, В.Н. Усов, К.Е. Черевко, Ю.В. Чудодеев²⁵.

Более объективными становятся оценки роли гоминьдановских военачальников в национально-освободительном движении против японских захватчиков. Российские исследователи присоединяются к мнению китайских комментаторов о том, что «героическое сопротивление генерала Ма спасло страну от позора, стимулировало действия китайских добровольцев»²⁶.

В комплексном исследовании истории международных отношений, предпринятом группой авторов во главе с А.Д. Богатуровым²⁷, затрагиваются темы японской оккупации Маньчжурии, сопротивления агрессии, в том числе со стороны китайских военных, интернирования. На основе анализа маньчжурских событий исследователи делают принципиальный вывод о том, что действия Японии «предопределили разрушение Вашингтонского порядка в той мере, в какой Япония, один из его изначальных гарантов, встала на путь его слома»²⁸. Четырехтомник интересен своей компоновкой. Нечетные тома издания посвящены анализу событий мировой политической истории, а четные содержат основные документы и материалы, необходимые для того, чтобы получить более полное представление об описываемых событиях и фактах. Такая ситуация позволяет с формальной точки зрения отнести часть издания к источникам по рассматриваемому периоду.

Открытие архивов, снятие грифов секретности с партийно-советских документов позволили исследователям обратиться непосредственно к истории пребывания в СССР интернированных военнослужащих и партизан, участвовавших в антияпонском сопротивлении в Маньчжурии. Попытка нового подхода в оценке и освещении советской внешней политики 1930-х

²³ Каменских М.С. Китайцы на Среднем Урале в конце XIX – начале XXI в. СПб., 2011. С. 16.

²⁴ Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Благовещенск, 2009. 42 с.; Каменских М.С. Становление и развитие китайской этнической группы на Среднем Урале в конце XIX – начале XXI века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011. 33 с.; Шармашкеева Н.Ж. Социокультурная адаптация китайских мигрантов в Бурятии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 24 с.

²⁵ Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты в истории (первая половина XX в.). М., 2005. 432 с.; Галенович Ю.М. История взаимоотношений России и Китая: в 4 кн. М., 2011.; *Он же*. Четыреста лет соседства России с Китаем. М., 2011. 256 с.; Каткова З.Д. Китай и державы 1927–1937 гг.: США. Англия. Германия. Франция. Япония. М., 1995. 279 с.; Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. М., 2009. 512 с.; Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М., 2007. 598 с.; Тихвинский С.Л. Избранные произведения: в 5 кн. М: Наука, 2006; *Он же*. СССР и интервенция Японии в Северо-Восточном Китае в 1931 г. // Новая и новейшая история. 1992. № 3. С. 36–47; Усов В.Н. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М., 2007. 454 с.; Черевко К.Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века). М., 2010. 688 с.; Чудодеев Ю.В., Каткова З.Д. Китай – Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. – 30–40 гг. XX в.) М., 2001. 370 с.

²⁶ Чудодеев Ю.В., Каткова З.Д. Указ. соч. С. 241.

²⁷ Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–1991. М., 2000.

²⁸ Указ. соч. Т. 1. С. 235.

годов, советско-китайских отношений, в том числе событий, связанных с интернированными китайцами, была предпринята в самом начале исследуемого периода. В.В. Чубаров в статье «Военные конфликты в Китае и позиция СССР (1927–1933 гг.)», опираясь не только на отечественные, но и на зарубежные архивные источники, приводит ряд интересных фактов об интернированных²⁹. В то же время не подтверждается документально его предположение об интенсивной идеологической обработке китайских военнослужащих во время пребывания в СССР, целью которой было распропагандирование войск в своих интересах³⁰. В самой статье имеются противоречия в приводимых данных о численности интернированных китайцев – на странице 115 говорится о 70 тысячах иностранцев, перешедших в СССР, а на странице 123 – о 20 тысячах. Последняя цифра более близка к истине. Нуждается в уточнении его сообщение о том, что правительство Чан Кайши настаивало на скорейшей отправке войск в Синьцзян, а советское правительство преднамеренно затягивало пребывание китайцев в Советском Союзе³¹. Еще в «Документах внешней политики СССР»³² были опубликованы источники, свидетельствующие о том, что официальный Нанкин 8 января 1933 года впервые обратился к советскому правительству с просьбой эвакуировать всех интернированных солдат и офицеров бывшей армии Су Бинвэня в Синьцзян. Принципиальных возражений против такого решения у советского правительства не было. Более того, 13 января заместитель наркома иностранных дел Л.М. Карахан после перехода на территорию СССР войск Ли Ду и Ван Дэлиня обратился с просьбой к китайским официальным лицам ускорить получение ответа от председателя синьцзянского правительства Цзинь Шу-жэня³³ о согласии принять интернированных и переводе необходимых для их перемещения сумм. Карахан выразил при этом «уверенность, что Цзинь должен был бы с радостью принять китайских солдат из армии Су Бинвэня, ибо они, наверное, лучше, чем его собственная армия, а в настоящее время хорошие солдаты ему больше, чем когда-либо, нужны»³⁴.

Историография по теме исследования представлена в основном работами сибирских историков, что вполне объяснимо: именно в Западно-Сибирском и Восточно-Сибирском краях были размещены интернированные иностранцы, оказавшиеся в СССР в 1930-е годы. Одна из первых публикаций принадлежит С.А. Красильникову, рассмотревшему в рамках исследования советской системы принудительного труда использование интернированных китайцев и корейцев в качестве рабочей силы на угольных копях Хакасии и лесоразработках Нарымского края³⁵. Л.Н. Приль с привлечением ранее не публиковавшихся архивных источников осветила вопросы пребывания в г. Томске соединения генерала Су Бинвэня³⁶. В работе В.А. Бармина в контексте исследования взаимоотношений СССР и Синьцзяна затронуты вопросы репатриации интернированных военнослужащих в Китай и участия их в подавлении повстанческого движения против китайских властей этой провинции³⁷.

Активно и творчески работает в данном направлении В.Г. Дацышен. Отдельная глава посвящена интернированным иностранцам в его монографии «Китайцы в Сибири XVII–XX

²⁹ Чубаров В.В. Военные конфликты в Китае и позиция СССР (1927–1933 гг.) // Советская внешняя политика. 1917–1945. Поиски новых подходов. М., 1992. С. 124.

³⁰ Чубаров В.В. Указ. соч. С. 114.

³¹ Там же. С. 123.

³² Документы внешней политики СССР. М., 1970. Т. 16.

³³ Там же. Т. 16. С. 26.

³⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 16. С. 26. Цзинь Шу-жэнь запросил у нанкинского правительства деньги на возмещение содержания войск Су Бинвэня и просил направлять войска Су Бинвэня партиями по тысяче человек с перерывом в одну неделю между каждой партией. Там же. С. 802.

³⁵ Красильников С. А. Советская система принудительного труда: некоторые черты и особенности формирования в конце 1920-х – начале 1930-х годов / URL: <http://gf.nsu.ru/bakhrushin/krasilnikov1996.shtm>. I.

³⁶ Приль Л.Н. Маньчжурия – Томск – Синьцзян // Наука в Сибири. 2004. № 28–29.

³⁷ Бармин В. А. Советский Союз и Синьцзян 1918–1941. Барнаул, 1999. 188 с.

вв.: проблемы миграции и адаптации» – фактически первом комплексном «региональном» исследовании китайской иммиграции³⁸. Подробно, с введением в научный оборот новых документов, В.Г. Дацышен описал интернирование армии Су Бинвэня, выявил и проанализировал связанные с этим событием вопросы и проблемы истории советско-китайских отношений³⁹. Он же первым из исследователей предпринял попытку восстановления исторической картины пребывания в СССР китайцев, оказавшихся в чужой для них стране не по своей воле – беженцев, интернированных, военнопленных⁴⁰.

Как видно, на современном этапе изучение истории интернированных китайцев находится в начале пути. До настоящего времени комплексной разработки проблемы пребывания указанной категории иностранных граждан в нашей стране не проводилось. Данная работа поможет частично устранить этот пробел.

Целью предлагаемого исследования является изучение истории интернирования китайских войсковых и партизанских соединений, их пребывания в Сибири, репатриации в Китай, судьбы интернированных китайцев в условиях репрессий в СССР в конце 1930-х годов. Такая постановка цели определяет решение следующих конкретных задач:

1. Проанализировать международное законодательство, регулирующее вопросы интернирования.
2. Выявить основные причины и определить хронологию появления интернированных китайцев на территории Сибири.
3. Установить численность и социально-демографические характеристики интернированных китайцев, размещенных в Сибири.
4. Реконструировать на основании источников повседневный быт интернированных китайцев.
5. Определить формы, способы, этапы решения вопроса о репатриации интернированных иностранцев в Китай.
6. Выявить судьбу интернированных лиц, оставшихся в Советском Союзе.

Источниковую базу исследования составили как опубликованные, так и неопубликованные документы, выявленные в 13 федеральных, региональных и ведомственных архивах⁴¹. Используемые в работе источники тематически можно разделить на несколько групп.

К законодательным документам относятся Гаагские конвенции (далее – Конвенции)⁴² – международные нормативные акты, определяющие правовое положение участников вооруженных конфликтов в случае перехода их на территорию нейтрального государства. В эту же группу источников включаются акты уголовного законодательства СССР⁴³. На протяжении всего периода пребывания в Советском Союзе интернированные китайцы являлись объектами

³⁸ Дацышен В.Г. Китайцы в Сибири XVII–XX вв.: проблемы миграции и адаптации. Красноярск, 2008. 327 с.

³⁹ Дацышен В.Г. Интернирование армии Су Бинвэня. Из истории советско-китайских отношений // Мир Евразии. 2010. № 4. С. 23–27.

⁴⁰ Дацышен В.Г. Интернированные, депортированные и военнопленные: неизвестные страницы китайской миграции в России // Восток (Oriens). 2010. № 4. С. 45–58.

⁴¹ Документы по истории интернированных иностранцев находятся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Государственном архиве Новосибирской области (ГАНО), Государственном архиве новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО), Государственном архиве Кемеровской области (ГАКО), Государственном архиве Красноярского края (ГАКК), Национальном архиве Республики Хакасия (НАРХ), ОГУ «Центр документации новейшей истории Томской области» (ОГУ «ЦДНИ ТО»), Архивном отделе администрации г. Черногорска (АОАЧ), Центральном архиве ФСБ России (ЦА ФСБ России), архивах Управлений Федеральной службы безопасности Российской Федерации (архивы УФСБ РФ) по Красноярскому краю, Новосибирской, Кемеровской, Томской областям.

⁴² V Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны, XIII Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны (Гаага, 18 октября 1907 г.) / URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=15811>.

⁴³ Уголовный кодекс РСФСР 1926 года / URL: <http://www.kodeks-luks.ru/ciws/site?tid=0&nd=901757374>.

правоприменительной практики. Наибольшего масштаба этот процесс достиг в 1937–1938 годах.

Наиболее обширная группа источников – делопроизводственная документация. В работе использовались как опубликованные, так и неопубликованные документы Советского правительства (директивы, заявления, ноты), переписки руководителей СССР, докладные записки должностных лиц дипломатического и военного ведомств, ОГПУ-НКВД, местных органов государственной и партийной власти по вопросам интернирования китайских военнослужащих, размещения их в Сибири, регулирования жизнедеятельности в местах расселения, репатриации на родину.

Специфика интернированных лиц как объекта международных отношений предопределила, что первыми с ними столкнулись представители дипломатического и военного ведомств Советского Союза. Анализ дипломатических документов и донесений по линии Наркомата обороны, ОГПУ-НКВД, как опубликованных⁴⁴, так и неопубликованных⁴⁵, свидетельствует о том, что переходы китайцев создали существенную проблему для Советского Союза, стали причиной активизации дипломатических отношений в треугольнике СССР – Китай – Япония, обострения обстановки на советско-китайской границе и советскому правительству понадобились значительные усилия для локализации потенциальных негативных последствий. СССР, проводивший модернизацию экономики, всеми силами стремился избежать вовлечения в какие-либо вооруженные конфликты, а интернированные китайцы вполне могли стать поводом для их возникновения в Дальневосточном регионе.

Заявления ТАСС по поводу японской оккупации Северо-Восточного Китая, опубликованные в советских средствах массовой информации, сконцентрированы в изданном впервые сборнике документов по советско-китайским отношениям⁴⁶. Только один документ, но достаточно информативный, так как содержит подробные сведения о численности интернированных лиц, перешедших в СССР в декабре 1932 года, опубликован в сборнике документов по истории пограничных войск СССР⁴⁷.

Опубликованные в начале 2000-х годов документы Коминтерна содержат сведения о состоянии и расстановке сил в антияпонском сопротивлении в Маньчжурии, процессе обсуждения и формирования позиции международной коммунистической организации по отношению к национально-освободительному движению в Китае⁴⁸. Существенным дополнением источниковой базы по исследуемому периоду является издание переписки И.В. Сталина и Л.М. Кагановича, в ходе которой советские руководители обсуждали маньчжурскую проблему, в том числе и вопросы оказания помощи силам антияпонского сопротивления, формировали позицию и модели реагирования на угрозы, возникающие для СССР⁴⁹.

Специфика статуса интернированных иностранцев предопределяла обязательное взаимодействие их с местными органами власти и управления, постоянное внимание к ним со стороны правоохранительных структур. В этой связи основной комплекс материалов, отражающих пребывание интернированных китайцев в СССР, представляет собой делопроизводственную документацию партийно-советских органов и ОГПУ-НКВД. Отличительной особенностью делопроизводства указанных структур была особая секретность, что и стало причиной

⁴⁴ Документы внешней политики СССР. М., 1968–1970. Т. XIV. 872 с., Т. XV. 867 с., Т. XVI. 920 с.; Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 3: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931–сентябрь 1937 гг.). М., 2010. 861 с.

⁴⁵ ГАНИИО. Ф.123. «Восточно-Сибирский крайком ВКП(б)», Ф. 300. «Истпартотдел при Иркутском областном комитете ВКП(б)».

⁴⁶ Советско-китайские отношения 1917–1957. Сборник документов. М., 1959. С. 481.

⁴⁷ Пограничные войска СССР. 1929–1938. Сборник документов и материалов. М., 1972. 775 с.

⁴⁸ ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т.4. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931–1937: В 2 ч. М., 2003 – 2004.

⁴⁹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. 800 с.

ограничения доступа к архивным материалам и, как следствие, отсутствия на протяжении длительного времени специальных комплексных работ по истории интернированных иностранцев. Рассекречивание архивных документов позволило привлечь к написанию предлагаемого исследования обширный корпус источников, часть из которых впервые выявлена и введена в научный оборот.

Делопроизводственные документы комитетов ВКП(б) различного уровня (крайкомов, обкомов, райкомов, горкомов), местных органов советской власти, ОГПУ-НКВД позволяют исследовать специфику присутствия интернированных китайцев в Сибири, изучить различные стороны их жизнедеятельности, проанализировать основные направления работы партийно-советских органов по регулированию производственно-бытовых вопросов пребывания иностранцев в Советском Союзе⁵⁰. Необходимо отметить, что ряд документов был исполнен в нескольких экземплярах, часть из которых оставалась в органах, их подготовивших, а часть направлялась в вышестоящие инстанции (райком – крайком – ЦК ВКП(б)). Таким образом, копии одного и того же документа в настоящий момент можно встретить, например, в АОАЧ, ГАНУ, РГАСПИ.

Уникальные для анализа данные о численном и возрастном составе интернированных, месте рождения, семейном положении в Китае, уровне грамотности, времени выхода на территорию СССР, принадлежности к тому или иному антияпонскому формированию, чине и должности в армии, месте работы и должности во время пребывания в Советском Союзе содержатся в списках, составленных в процессе подготовки эвакуации китайцев, размещенных в Хакасии. В них представлена информация о различных категориях иностранцев – командирах, рядовых солдатах, членах семей, а также лицах, бежавших с места размещения, осужденных за уголовные преступления, отказывающихся возвращаться на родину⁵¹. Необходимо отметить, что практически у всех китайцев отсутствовали документы, удостоверяющие личность. Персональные данные фиксировались со слов самих опрашиваемых, китайские имена при этом воспринимались на слух. Поэтому часто существовало несколько вариантов употребления фамилий иностранцев.

В начале 2000-х годов были изданы материалы Политбюро ВКП(б) с решениями о проведении масштабных карательных акций – так называемых национальных операций. Одно из них, состоявшееся в январе 1938 года, послужило основанием для начала массовых репрессий в отношении китайцев⁵². Материалы Книг памяти репрессированных⁵³, собранные и опубликованные в разных регионах сотрудниками общества «Мемориал», позволили провести статистическую обработку данных по репрессированным иностранцам, однако в связи с отсутствием, как правило, точного указания на принадлежность тех или иных лиц к интернированным для этой работы потребовалось привлечение дополнительных архивных сведений.

Особый интерес для исследования по истории интернированных китайцев представляют материалы уголовных дел, в основном хранящиеся в ведомственных архивах Управлений ФСБ⁵⁴. В Томске и Абакане указанные документы находятся в государственных архивах⁵⁵, но

⁵⁰ ГАКК. Ф. П-26 «Красноярский крайком КПСС»; АОАЧ. Ф. Р-1 «Объединенный архивный фонд представительного и исполнительного органов г. Черногорска»; ГАКО. Ф. П-26. «Прокопьевский городской комитет РКП(б) – ВКП(б) – КПСС»; ОГУ «ЦДНИ ТО». Ф. 206. «Нарымский окружной комитет ВКП(б)», Ф. 80. «Томский городской комитет КПСС»; ГАНУ Ф. 47 «Исполнительный комитет Западно-Сибирского краевого Совета депутатов трудящихся», Ф. П-3 «Западно-Сибирский краевой комитет ВКП(б)».

⁵¹ Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 9. Д. 688. «Списки интернированных китайцев (подлежащих эвакуации) 1936 год».

⁵² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. М., 2004. С. 468–469.

⁵³ Боль людская. Книга Памяти томичей, репрессированных в 30–40-е и начале 50-х годов: В 5 т. Томск, 1991–1999; Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края: 11 кн. Красноярск, 2004–2012; Книга памяти жертв политических репрессий Республики Хакасия. Абакан. В 2 т. 1999–2000.

⁵⁴ Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 7, Ф. 8.; Архив УФСБ по Кемеровской области. Ф. 8.

фондодержателями являются УФСБ, и для работы с материалами необходимы соответствующие согласования.

Основной массив следственных материалов относится к 1937–1938 годам, пику политических репрессий в Советском Союзе, однако имеются дела 1934–1935 годов. Все их можно разделить на две группы: о преступлениях общеуголовного характера и преступлениях политических. Дела содержат обязательные для этой категории материалов документы: анкеты арестованных, постановления о привлечении к уголовной ответственности, протоколы допросов, обысков, очных ставок, характеристики, справки с места работы, обвинительные заключения, приговоры, выписки из актов о приведении приговоров о расстреле в исполнение. Иногда в делах встречаются фотографии осужденных.

В протоколах допросов в обязательном порядке устанавливались время и обстоятельства появления обвиняемого на территории Советского Союза, что позволяет практически безошибочно выделить интернированных из общего числа репрессированных китайцев. В документах содержатся сведения о возрастном составе и здоровье иностранцев, местах проживания, роде занятий, семейном и имущественном положении как в Китае, так и в СССР, принадлежности к тому или иному антияпонскому формированию, чине и должности при прохождении военной службы. Информация о политических репрессиях в отношении указанной категории иностранцев, пик которых пришелся на 1937–1938 годы, дает возможность проследить судьбу интернированных в контексте трагического периода истории Советского Союза.

При подготовке монографии использовались материалы периодической печати⁵⁶. Статьи в газетах и журналах не всегда отвечают критериям объективности, однако они выступают важным дополнением к имеющимся документам. Советским средствам массовой информации отводилась особая роль в оценке японской интервенции в Северо-Восточном Китае. Они были призваны освещать маньчжурские события, формировать общественное мнение как внутри страны, так и на международной арене, участвовать в информационном противоборстве: «...В печати надо вести себя так, чтобы не было никаких сомнений в том, что мы всей душой против интервенции. Пусть «Правда» ругает всю японских оккупантов, Лигу Наций как орудие войны, а не мира, пакт Келлога как орудие оправдания оккупации, Америку как сторонницу дележа Китая. Пусть кричит «Правда» всю, что империалистические пацифисты Европы, Америки и Азии делят и поработают Китай. «Известия» должны вести ту же линию, но в умеренном и архисторожном тоне. Умеренный тон для «Известий» абсолютно необходим... Следовало бы особо наострить коминтерновскую печать и вообще Коминтерн»⁵⁷. В середине ноября 1931 года по предложению Сталина и Молотова Политбюро ВКП(б) поручило «тт. Литвинову, Карахану и Крестинскому ежедневно представлять в ПБ проект ответа на ложную информацию и провокационные сообщения японцев, в изобилии распространяемые в органах печати»⁵⁸.

Наиболее активно информация о событиях в Маньчжурии публиковалась как в центральных, так и региональных изданиях в 1931–1934 годах. В конце 1932 – начале 1933 годов наибольшее внимание было уделено переходу в СССР армии генерала Су Бинвэня. На основе материалов отечественных СМИ, публиковавших сообщения иностранных информационных агентств, можно проследить элементы своеобразной информационной войны западных государств, Японии, направленной на изменение позиции СССР в отношении интернированных.

К сожалению, в советской периодической печати практически отсутствуют сведения о повседневной жизни иностранцев. Информационный вакуум в отношении интернированных

⁵⁵ НАРХ. Ф. Р-674; ОГУ «ЦДНИ ТО» Ф. 8.

⁵⁶ «Правда». – Москва, 1931–1936; «Известия». – Москва, 1931–1936; «Красноярский рабочий». – 1931–1936.

⁵⁷ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 116.

⁵⁸ ВКП(б), Коминтерн и Япония. М., 2001. С. 71.

китайцев, возможно, объясняется как неопределенностью их правового положения, так и кратковременностью пребывания в Советском Союзе основной массы иностранцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.